

**КИЇВСЬКИЙ
БІБЛІОФІЛ**

ММХХІІІ

КИЇВСЬКИЙ КЛУБ БІБЛІОФІЛІВ

КИЇВСЬКИЙ БІБЛІОФІЛ

ММЖХІІІ

АЛЬМАНАХ

КИЇВ
БМХУН В.Ю.
2023

**ЕФИМ
ГОФМАН**

САМИЗДАТ ВИКТОРА НЕКРАСОВА

Собрание самиздатских материалов в квартире Виктора Платоновича Некрасова – предельно неординарное явление общественной и интеллектуальной жизни Киева 1960-х – первой половины 70-х годов.

Сразу оговорим, что формировалось это собрание стихийно. Достаточно мало общего было у него с иными библиотеками Самиздата, носившими достаточно систематизированный характер. А ведь такие собрания к тому времени в Советском Союзе уже существовали. Причём не только в Москве и Ленинграде, но и в других регионах тогдашней большой страны.

Если говорить о территории Украины, то – можно вспомнить о весьма представительной библиотеке Самиздата, существовавшей с 1967 по 1982 год в Одессе. Один из её создателей, тогдашний молодой диссидент, ныне – известный правозащитник и общественный деятель Вячеслав Игрунов, вспоминает сейчас, что это, по сути дела, была организация, которая имела определённый штат нелегальных сотрудников, осуществляла методичную работу по сбору самиздатско-тамиздатских материалов и изготовлению их копий (машинописных и в виде микрофильмов), занималась сознательным распространением Самиздата, носившим характер целенаправленного подпольного просветительства: «у нас было около 2000 читателей. <...> [Б]ыла многоступенчатая система: библиотекарь передает книги какой-то дюжине людей, которые сами в свою очередь являлись центрами распространения. <...> Люди читали не просто из интереса – это была небольшая школа на базе нашей библиотеки. <...> [Б]iblioteca была активным инструментом общественной деятельности, а не просто хранилище [sic] документов»¹. – хранилищем.

Собрание сам- и тамиздата, образовавшееся и существовавшее определённое время в киевской квартире Виктора Некрасова, складывалось на других началах. Хотя круг материалов, входивших в него, был достаточно разнообразен и обширен, никакой системы в

¹ Библиотека самиздата. Интервью В. Игрунова. Беседовала Елена Струкова (ГПИБ России, июль – август 2005 года). URL: <http://filial.shpl.ru/news/biblioteka-samizdata-intervyu-v-igrunova>.

его формировании не было. Часть подобных книг, машинописных листов и копий хранилась в доме у Некрасова более-менее стабильно (хотя и активно давалась на прочтение всем желающим), часть – появлялась на какое-то время, а впоследствии передавалась кому-то из некрасовских друзей или достаточно случайных посетителей без требований непременно возврата. История приобретения этих материалов писателем не фиксировалась – и объяснялось это попросту тем, что Некрасов не имел склонности к подобному дотошному, скрупулёзному учёту и контролю. Более того, даже сознательным сбором самиздата-тамиздата писатель не занимался.

В силу каких обстоятельств, тем не менее, квартира Виктора Некрасова на определённом этапе стала одним из заметнейших центров Самиздата – не только в городе, но и в целом в стране?

Прежде всего учтём, что сам по себе статус Некрасова в Киеве был явлением воистину поразительным.

Прославленный лауреат Сталинской премии, но при этом (редкий случай!) снискавший подобное официальное признание по справедливости, абсолютно заслуженно, за талантливую и честную повесть о войне – «В окопах Сталинграда».

Замечательный, по-настоящему самобытный прозаик. Незаурядный человек с необычной для нашего социума аристократично-породистой внешностью. И – с такой же необычной манерой поведения, поражающей органичным сочетанием изящества, артистизма с абсолютной непринуждённостью и безыскусностью...

Ничуть не удивительно, что на общем обыденном городском фоне фигура Некрасова отчётливо выделялась, непременно бросалась в глаза. Квартира писателя в Пассаже, старой внутриквартальной улочке, как будто бы вмонтированной в главную улицу города – Крещатик, в течение многих лет была центром притяжения для самых разных людей: академиков и художников, актёров, режиссёров, архитекторов, и – самых что ни на есть простых работяг. *Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта*, – этот хорошо известный призыв из песни Окуджавы воплощался в жизни Некрасова (пусть и стихийно, без специальных усилий) подчас с предельной буквальностью.

Самые разные знаменитости, приезжавшие в Киев из разных городов и стран, считали за честь побывать в доме у Виктора Некрасова. Часто путешествовал и сам Некрасов. В период «оттепели» не раз бывал за рубежом. Достаточно много времени проводил в домах творчества писателей – в Коктебеле, Малеевке, Дубултах. Подолгу пребывал в Москве, гостил у своих ближайших москов-

ских друзей Лунгиных² подчас больше месяца. Заметим при этом, что круг московского общения был у Некрасова весьма широким. Входило в него и – громадное количество независимых представителей творческой среды, и – сотрудники славившегося своим вольнодумством «Нового мира» 60-х: Анна Самойловна Берзер, Игорь Александрович Сац. Да и с самим главным редактором журнала, Александром Трифоновичем Твардовским, Некрасов был знаком достаточно близко...

В любом случае, московские контакты Некрасова существенно содействовали приобщённости писателя к эпицентру тогдашних предельно ярких, острых культурных и общественных событий. Ничуть не удивляет при подобных обстоятельствах, что с феноменом самиздата Некрасов соприкоснулся раньше многих других людей, и – относился к неподцензурной словесности с безусловным интересом и равнодушием хотя бы потому, что всегда тянулся ко всему живому, не укладывающемуся в тот или иной предсказуемый, заданный формат.

Заметим при этом, что отношение Некрасова к позднесоветской действительности имело свои особенности. основополагающей эмоцией, которую писатель испытывал к тогдашним властям, была, на наш взгляд, отнюдь не взвинченная ненависть, но, условно говоря, чувство весёлого презрения. Насквозь видел Некрасов и серость, ограниченность советского руководства, и предельную беспринципность тогдашних вождей, целиком и полностью сосредоточенных на одной-единственной цели – удерживать власть в своих руках. Вместе с тем, никакой маниакальной заикленности на подобных темах у писателя не было.

Известно, что одна из привычных повседневных забав Виктора Платоновича заключалась в подтрунивании над образчиками пропагандистского скудоумия, извлекавшимися из свежих советских газет. А также – над неуклюжими публичными проявлениями людей из Политбюро, их косноязычными высказываниями, зажатými жестами, безжизненными лицами на фотографиях. Упомянутые игры носили характер шутейного трёпа, неизменно забавлявшего дружеское и семейное окружение писателя.

Контакты с диссидентской средой у Некрасова были. Более того, среди множества людей, с которыми писатель на разных этапах своей биографии встречался, были две предельно знаменитые личности, воспринимавшиеся как ключевые фигуры диссидентского мира. В первой половине 60-х в доме Некрасова побывал Солженицын, и,

² Лунгина Лилианна Зиновьевна (1920–1998) – филолог, литературная переводчица.
Лунгин Семён Львович (1920–1996) – киносценарист, драматург.

хотя встреча автора «В окопах Сталинграда» с автором сенсационного «Одного дня Ивана Денисовича» прошла во взаимно-уважительном режиме, особой душевной близости между двумя писателями (как видно по дальнейшим их жизненным путям) явно не возникло. В январе 1972 года Некрасов навесит Сахаров, приехавший тогда в Киев, и, хотя их общение в тот раз было недолгим, а последующих встреч было крайне мало, невероятная взаимная симпатия, самые добрые чувства по отношению друг к другу в данном случае были безоговорочными. «Я хотел бы, но не имею права причислить себя к числу ближайших друзей Сахарова – редко виделись и склада мы разного (моё обычное «без ста граммов не разберёшься» ему, увы, чуждо), к тому же особым честолюбием или тщеславием я не отличаюсь, и всё же... Я бесконечно горд (подчёркиваю эти два слова), что самый благородный, самый чистый, самый бесстрашный, добрый и, вероятно, самый учёный (в этом я, правда, не разбираюсь, в школьные годы у меня по физике был репетитор) человек относится ко мне с благосклонностью и даже прощает кое-какие грехи. <...> [Э]того великого странного человека я не только люблю, но и не боюсь», – такими тёплыми словами завершал Некрасов свой маленький очерк, опубликованный в сборнике статей, который был выпущен в Нью-Йорке, в 1981 году, к 60-летию А. Д. Сахарова.

Среди тех киевлян, с которыми писатель близко общался в последнее десятилетие перед эмиграцией, был ряд людей, сознательно ставших на определённом этапе на путь диссидентства (или, по крайней мере, открытого позиционирования себя в качестве идеологических оппонентов властей): Семён Глузман, Гелий Снегирёв, Иван Дзюба, Леонид Плющ. Неоднократно подписывал Некрасов письма в защиту и – представителей украинского национально-демократического движения, и – московских диссидентов. Безучастно наблюдать за тем, как над людьми, позволившими себе открытые выражения несогласия с властью, издеваются, как сажают их в лагеря и психушки, писатель не мог (так уж он был устроен!).

Вместе с тем, Некрасов отнюдь не считал диссидентство единственным правильным жизненным выбором. Какой бы удушливой не была обстановка брежневской эпохи, для думающих и одаренных людей, критически относившихся к советской действительности, существовало тогда достаточно других возможных жизненных ниш, не требовавших непременно приспособленчества и оставлявших возможность сохранения порядочности, достоинства. Многие близкие друзья и добрые знакомые Виктора Платоновича жили именно так, и

писатель считал подобный расклад совершенно нормальным. Никого из окружающих к политическим протестам не подталкивал. Да и вообще, не хотел никого ничему учить, указывать, предписывать.

Кто-то выбирает для себя одну возможность оставаться самим собой, кто-то – другую. Подобная ситуация представлялась писателю вполне естественной.

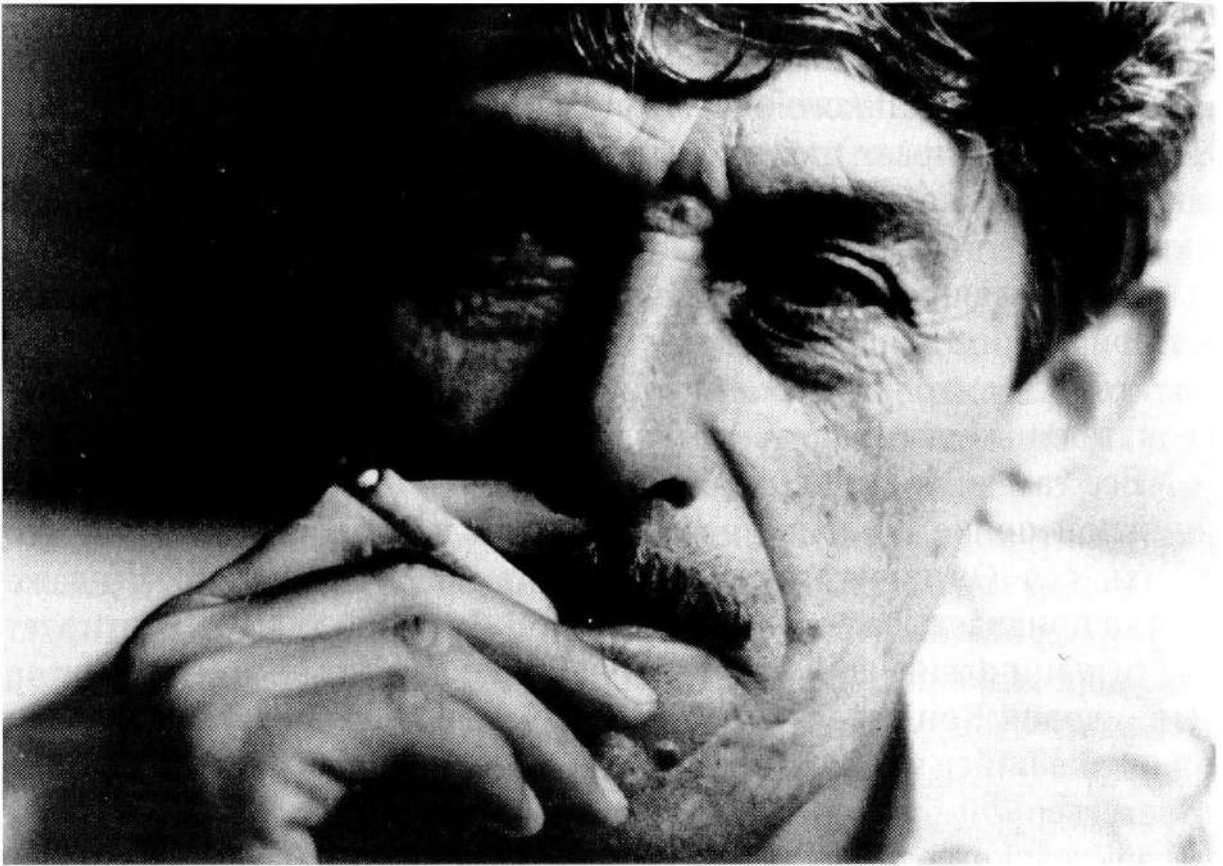
То же самое касалось и ситуации с самиздатско-тамиздатскими материалами. Некрасов никому их не навязывал, но – охотно давал читать всем желающим, игнорируя практиковавшиеся в среде сознательных активистов-самиздатчиков нормы конспирации.

«Все тамиздатские книги стояли у него (Некрасова – Е. Г.) на книжной полке в кабинете. Или лежали на полочке на торце его тахты. <...> Он ничего не скрывал из тамиздата и думаю, что даже слегка прихвастывал его обладанием»³, – именно так комментирует эту ситуацию живущий ныне во Франции пасынок писателя, Виктор Леонидович Кондырев. Элемент подобного шуточного хвастовства, проявлявшийся у Некрасова, отнюдь не был знаком какой-либо безответственной бравады. Речь шла о всё том же, упомянутом выше презрительном отношении писателя к установкам власти на туповатое запретительство, на назойливое стремление лезть в душу людям и указывать, что им можно читать, а чего – нельзя.

Иными словами, Некрасов искренне не считал, что занимается распространением «клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (как формулировалось в печально известной статье 70, по которой в советские времена сажали за решётку диссидентов). Да и вообще, писатель не считал нужным таиться от властей, поскольку не видел в своём образе жизни и своих занятиях чего-либо, носящего подрывной характер, способного представлять опасность для тогдашнего руководства и для рядовых граждан страны.

Какие же материалы входили в самиздатско-тамиздатское собрание Виктора Некрасова? Сведения о них, истории их попадания в дом Некрасова и дальнейшей циркуляции – тема, привлекающая интерес исследователей уже на протяжении длительного времени. Первой предприняла попытку её рассмотрения журналистка Любовь Хазан, и результаты своей работы, основанной на изучении находящихся в архиве Службы безопасности Украины материалов дела Некрасова, представила в документальном очерке «С шулерами

³ Из ответов В. Л. Кондырева на вопросы анкеты международной исследовательской инициативы к 110-летию со дня рождения В. П. Некрасова.

за одним столом...»⁴. В 2021 году работу в этом направлении продолжила международная исследовательская инициатива, приуроченная к 110-летию со дня рождения В. П. Некрасова, которую учредили мы совместно с двумя историками: сотрудницей Базельского университета Барбарой Мартин и сотрудником НИПЦ «Мемориал», руководителем программы «История инакомыслия в СССР» Геннадием Кузовкиным (Москва). Помимо углублённого рассмотрения документов из архивов украинского КГБ и партийных архивов, существенное место в работе инициативы занимают опросы людей, общавшихся с Некрасовым и в разные годы пользовавшиеся теми самиздатско-тамиздатскими материалами, которые были у него в доме. Упомянутые опросы в каких-то случаях проведены в форме видеointервью, в каких-то случаях – в форме письменных ответов на нашу анкету. Ответы респондентов, на наш взгляд, существенно обогащают сложившиеся ранее представления о среде посетителей дома Некрасова на рубеже 60-х – 70-х и, если ставить вопрос шире, об атмосфере, характерной для кругов киевской интеллигенции того времени.

Вернёмся, однако, к материалам собрания Некрасова. Информация на сегодняшний день имеется у нас лишь об (если так можно

⁴Очерк опубликован в: Некрасов Виктор. Арестованные страницы: Рассказы, интервью, письма из архивов КГБ. К.: Лаурус, 2014.

выразиться) общей структуре собрания, о том, что являлось его более-менее *стабильной* частью, а также – о том, что находилось в квартире писателя в момент обыска, проведенного сотрудниками КГБ в январе 1974 года. Соответственно, при всей неполноте подобной информации, примерный список материалов некрасовского собрания мы можем восстановить. Одной звёздочкой в скобках при этом помечаем материалы, конфискованные во время обыска 1974 года; двумя звёздочками – материалы, которые писатель отдал при выемке, состоявшейся в январе 1972 года; тремя звёздочками – материалы, которые были либо конфискованы другими путями, либо вообще не попали в руки КГБ.

I. Литературно-художественные произведения.

а) Проза.

1***. Марк Алданов. «Повесть о смерти». Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969.

2*. Иван Бунин. «Весной, в Иудее. Роза Иерихона». Сборник. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953⁵.

3***. Евгений Замятин. «Мы». Год и место издания точно не установлены.

4*. Джордж Оруэлл. «Скотный двор». Машинопись, русский перевод (авторство не установлено).

5**. Борис Пастернак. «Доктор Живаго». Год и место издания точно не установлены.

6**. Александр Солженицын. «В круге первом»⁶. Год и место издания точно не установлены.

7***. Александр Солженицын. «Август Четырнадцатого»⁷. Париж: YMCA-Press, 1971.

8*. Александр Солженицын. Рассказ «Пасхальный Крестный ход». Машинопись.

9*. Иван Шмелёв. «Куликово поле. Старый Валаам». Париж: YMCA-Press, 1958.

б) Поэзия.

1*. Аллен Гинзберг. Поэма «Вопли». Машинопись, русский перевод (авторство не установлено).

2*. Юлий Ким. Текст песни «Подражание В. Высоцкому» («Мороз трещит, как пулемёт...»). Рукопись.

⁵ Завершался сборник неопубликованным в то время в советской подцензурной печати рассказом Бунина «Под серпом и молотом. Из записок неизвестного» (1930).

⁶ Сокращённый и смягчённый по тактическим соображениям вариант романа, условно именованный автором «Круг – 67».

⁷ Первый вариант романа, отличающийся от окончательной авторской версии.

- 3*. Роман Левин. Стихотворение «Бабий Яр». Машинопись.
- 4*. Осип Мандельштам. Стихотворения. Машинопись.
- 5*. Ирина Стасив. Цикл стихотворений «Дорога вигнання», посвящённый Вячеславу Чорновилу (на украинском языке). Машинопись.
- 6*. Марина Цветаева. Стихотворения. Машинопись.
- 7*. Марина Цветаева. «Лебединый стан». Стихи 1917-1921 гг. Подготовил к печати Глеб Струве, вступ. ст. Юрия Иваска. Мюнхен: Buchdruckerei Einheit, 1957.
- II. Нон-фикшн (философия, публицистика, мемуары, литературоведение, интервью).
- 1***. Светлана Аллилуева. «Двадцать писем к другу». Нью-Йорк: Harper & Row, 1967.
- 2***. Светлана Аллилуева. «Только один год». Нью-Йорк: Harper & Row, 1969.
- 3*. Николай Бердяев. «Русская идея». Париж: YMCA-Press, 1971.
- 4**. Милован Джилас. «Новый класс». Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер, 1961.
- 5*. Борис Зайцев. «Далёкое». Вашингтон: Inter-Language Literary Associates, 1965.
- 6*. Валентин Мороз. «Репортаж із заповідника імені Берії» (на украинском языке). Машинопись.
- 7*. Михайло Осадчий. «Більмо». Автобиографический очерк (на украинском языке). Машинопись.
- 8*. И.А. Пуцятто (профессор Харбинского педагогического института). Биографический очерк «Николай Степанович Гумилёв, поэт-конквистадор» (датирован 1941-м годом). Машинопись.
- 9*. Жан-Поль Сартр. «Размышления о еврейском вопросе». Машинопись, русский перевод (авторство не установлено).
- 10*. Андрей Сахаров. «Памятная записка». Машинопись (2 экземпляра). Послесловие к «Памятной записке». Машинопись (2 экземпляра).
- 11*. Андрей Сахаров. Интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Улле Стенхольму (июль 1973 года). Машинопись.
- 12*. Галина Селегень. «Прехитрая вязь (Символизм в русской прозе. «Мелкий бес» Фёдора Сологуба)». Вашингтон: Victor Kamkin, 1968⁸.
- 13*. Александр Солженицын. Нобелевская лекция. Машинопись.
- 14***. Лев Троцкий. «Сталин». Том 2. Год и место издания точно не установлены.

⁸ В протоколах дела В. П. Некрасова ошибочно указан 1961-й год издания (подобного рода ошибок и опечаток там немало).

15***. Говард Фаст. «Голый бог: писатель и компартия». Год и место издания точно не установлены.

16*. Микола Холодный. «Про душу в пісні та про пісню в душі» (на украинском языке). Машинопись.

III. Периодические издания.

1*. Альманах «Мосты» (Мюнхен: Издательство ЦОПЭ (Центрального объединения политических эмигрантов из СССР): № 5 (1960); № 8 (1961); № 9 (1962); № 11 (1965).

2***. Несколько экземпляров неподцензурного правозащитного информационного бюллетеня «Хроника текущих событий». Машинопись⁹.

IV. Документы.

1*. Лариса Богораз. Защитительная речь, произнесенная 11 октября 1968 года на суде над участниками Демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию. Машинопись.

2*. Георгий Владимов. Письмо в Президиум IV Всесоюзного Съезда советских писателей (в поддержку письма Александра Солженицына IV Всесоюзному съезду советских писателей). Машинопись.

3*. Пётр Григоренко. Соккрытие исторической правды – преступление перед народом! (Письмо в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС»). Машинопись;

4*. Пётр Григоренко. Письмо в защиту участников Демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию. Машинопись.

5*. Иван Дзюба. Выступление на состоявшемся 29 сентября 1966 года историческом несанкционированном митинге к 25-й годовщине трагедии Бабьего Яра (на украинском языке). Машинопись.

6*. Василь Стус. Письмо в адрес Президиума Союза писателей Украины, ЦК КПУ и редакции журнала «Всесвіт» (на украинском языке). Машинопись.

7*. Вячеслав Чорновил. Последнее слово, произнесенное на суде во Львове 15 ноября 1967 года (на украинском языке). Машинопись.

8*. Открытое письмо Ивана Дзюбы, Евгена Сверстюка, Лины Костенко, Михайлины Коцюбинской и Виктора Некрасова в редакцию «Литературной Украины». Машинопись.

9*. Краткая запись заседания Отдела истории Великой Отечественной войны ИМЛ при ЦК КПСС от 16 февраля 1966 года при обсуждении книги А. М. Некрича «1941, 22 июня». Машинопись.

⁹ Были ли это разные выпуски или экземпляры одного выпуска – неизвестно, поскольку они были уничтожены самим Некрасовым в январе 1972 года.

10*. Изложение заседания Секретариата Союза писателей СССР от 22 сентября 1967 года, посвящённого А. И. Солженицыну. Машинопись.

Здесь нам придётся на время прервать перечисление. Существенная проблема состоит в том, что немало было в квартире Некрасова и других документов, касающихся диссидентских проблем (к примеру, разного рода письма, заявления, обращения в высшие государственные инстанции по поводу положения украинских политзаключённых-диссидентов; документы, касающиеся конфликтов Солженицына с руководством Союза писателей, партийными структурами и госбезопасностью; переписка Некрасова, защищавшего инакомыслящих, подвергавшихся принудительному лечению в психбольницах, с печально известным советским функционером от психиатрии – директором Института Академии медицинских наук А. В. Снежневским; черновики письма Некрасова к прославленному коллеге-прозаику, лауреату Нобелевской премии Генриху Бёллю). Вместе с тем, для исследователей в определённой степени остаётся открытым вопрос: где в подобных случаях кончается собрание сам-и тамиздатских материалов и начинается личный архив писателя?

То же самое касается и других материалов, конфискованных у писателя при обыске. Будь то – машинописные листочки с переводами статей зарубежных журналистов, посвящённых жизни и творчеству самого Некрасова. Или – магнитофонные записи песен Александра Галича, Юлия Кима (для КГБ также проходивших по разряду крамолы), передач «Немецкой волны», посвящённых Солженицыну и диссидентским проблемам. Или – данные писателю на прочтение сочинения некоторых авторов-любителей (среди них были и люди, причастные к литературным кругам, вроде известного московского редактора В. Новохатко, чьи рассказы фигурируют в списках конфискованных у Некрасова материалов)...

Конечно же, заманчиво было бы попытаться выявить какие-то сведения о том, как протекала циркуляция тех или иных тамиздатских книг из собрания Некрасова. В этом смысле, однако, сведения, сообщённые респондентами упомянутой выше международной исследовательской инициативы, достаточно скупы.

Вот что сообщает по этому поводу тот же Виктор Леонидович Кондырев: «в каждый мой новый приезд в Киев в 1970-х гг.¹⁰, на полке появлялось несколько новых книг, ну а «старые» книжки исчезали, может, он (Некрасов – Е.Г.) их убирал, кому-то отдавал

¹⁰ До своего отъезда из страны (это произошло в 1976 году) В.Л. Кондырев жил в Кривом Роге, в Киеве бывал лишь наездами.

или возвращал... Много тамиздата приносили иногда в подарок, насколько мне известно, иностранные гости или туристы»¹¹.

Были, однако, в квартире Некрасова и ещё некоторые материалы, которые писатель не ставил на открытые полки, но, по словам В.Л. Кондырева, «держал в отдельной папке, которая тоже лежала как бы под рукой, сбоку на этажерке»¹². Это – несколько собственных сочинений Некрасова, не предназначенных для печати:

1***. «Король в Нью-Йорке». Рассказ. Машинопись.

2***. «Ограбление века или Бог правду видит, да не скоро скажет». Рассказ. Машинопись.

3***. «Быль». Рассказ. Машинопись.

4***. «Всё ясно!». Рассказ. Машинопись.

5***. «Мраморная крошка». Документальный рассказ. Машинопись.

6*. «Иван Дзюба, каким я его знаю». Очерк. Рукопись.

7*. «Камень в Бабьем Яру». Незавершённый очерк. Рукопись.

8*. Шуточная пьеска «Утренняя элегия». Рукопись и машинопись.

9*. Шуточный рассказ «Беседа специального корреспондента газеты Le Monde с писателем Виктором Некрасовым в связи с 50-летием президента-координатора Российской демократической федеративной республики Александра Лунгина». Рукопись.

Первые пять рассказов, упомянутых в этом списке, как раз и сыграли роковую роль в судьбе Некрасова. Насмешливые фантазии о визите Косыгина в США, закончившемся тем, что председатель Совета Министров СССР стал... невозвращенцем («Король в Нью-Йорке»), или о том, как писатель Некрасов картинно «грабит» украинского советского драматурга-конформиста Александра Корнейчука, баснословно богатого, но при этом лицемерно клеймящего с трибун буржуазный образ жизни («Ограбление века») были для писателя, по сути дела, продолжением упоминавшихся выше игровых подтруниваний над образцами советской пропаганды. Рассказы эти имели хождение лишь в кругу друзей и знакомых писателя. Имя и фамилия Некрасова в машинописи этих сочинений¹³ предупредительно не упоминались.

Случилось, однако, так, что в январе 1972 года рассказы были конфискованы органами в связи с арестом тогдашнего молодого друга писателя, врача-психиатра Семёна Глузмана. Реальной его причиной было то, что Глузман провёл заочную экспертизу, доказывавшую

¹¹ Из ответов В. Л. Кондырева на вопросы анкеты международной исследовательской инициативы к 110-летию со дня рождения В. П. Некрасова.

¹² Там же.

¹³ Всё, что выходило из-под пера Некрасова, печатала доверенная с давних пор машинистка писателя – Ева Марковна Пятигорская.

факт психического здоровья генерала Петра Григоренко (находившегося на принудительном лечении в специальной психиатрической больнице МВД). Вместе с тем, в официальном списке обвинений, дававших властям формальные основания для осуждения молодого врача за «антисоветскую агитацию и пропаганду», упор делался на распространении сам- и тамиздата. Лакомым куском для КГБ оказались как раз те самые пять рассказов Виктора Некрасова (конфискованные при обыске у молодой машинистки в числе материалов, которые Глузман ей передал для перепечатки).

Ситуация эта как раз и явилась той ниточкой, которая привела сотрудников госбезопасности в квартиру Некрасова. Незадолго до этого писатель, чувствуя, что над ним сгущаются тучи, уничтожил находившиеся в тот момент в квартире солженицынский «Август Четырнадцатого», книгу С. Аллилуевой «Только один год», экземпляры «Хроники текущих событий» и некоторые другие материалы. А потом и состоялась та самая выемка, обозначенная в рапортах руководства украинского КГБ в вышестоящие инстанции так: «работниками КГБ была проведена беседа с Некрасовым, в результате чего он выдал несколько изданных за рубежом антисоветских произведений, в том числе «В круге первом» А. Солженицына, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Новый класс» Джиласа, отказавшись назвать лицо, от которого он получил эти книги»¹⁴.

Чуть позднее, в том же 1972-м году, Некрасова вызывали на допросы по делу Глузмана. Активно допытывались по поводу пяти конфискованных рассказов, но своё авторство писатель не признал – и, соответственно, ничего доказать в этой ситуации органам не удалось. Тем не менее именно с обозначенного момента Некрасов в глазах официальных кругов приобрёл статус персоны нон грата и пребывал под негласным, но неусыпным надзором КГБ. В ход были пущены и топтуны, и прослушивание разговоров, и другие методы наблюдения...

Апогеем преследований писателя как раз и стал обыск, случившийся в начале 1974-го. Припомним вполне отчётливое его описание в статье Виктора Некрасова «Кому это нужно?»:

«17 января сего 1974 года девять человек, предъявив соответствующий на это ордер со всеми подписями, в течение 42 часов (с перерывом, правда, на ночь) произвели в моей квартире обыск. <...> [О]ни были вежливы, но настойчивы. Они говорили мне «извини-

¹⁴ Из информационного сообщения председателя украинского КГБ В. Федорчука первому секретарю ЦК КПУ В. Щербицкому от 23 марта 1973 года / Архив Службы безопасности Украины. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1066. Л. 82.

те» и рылись в частной моей переписке. Они спрашивали «разрешите?» и снимали со стен картины. Без зуботычин и без матерных слов они обыскивали всех проходящих <...>. И всё это делалось обстоятельно и серьёзно, как будто это не квартира писателя, а шпионская явка».

Сразу после проведения обыска, с 19 по 26 января, Некрасова снова – уже не дважды, как в 1972-м, а шесть (!) раз – вызывали на допросы. Допрашивали и ряд людей из некрасовского окружения...

Вернёмся, однако, к судьбам тамиздатовских книг из квартиры писателя. Одну из них, роман Евгения Замятина «Мы», в конце 1973 года взял у Виктора Платоновича почитать молодой учитель, преподававший русский язык и литературу в киевской физико-математической школе № 171 – Марк Райгородецкий. Человек этот относился к числу тех, о ком на рубеже 60-х – 70-х годов в среде городской интеллигенции ходили легенды. Неординарный характер носили не только его уроки, но и факультативные занятия со старшеклассниками, на которых учитель знакомил ребят с творчеством не входивших в программу Пастернака, Мандельштама, Цветаевой и других крупных поэтов XX века.

К диссидентству молодой учитель не был причастен. Вместе с тем он испытывал безусловный интерес к самиздату-тамиздату, как к возможности знакомства с материалами, значимыми в интеллектуальном и эстетическом отношении. О неблагоприятном повороте своей судьбы сам Марк Исаакович Райгородецкий рассказывает так¹⁵: «в январе семьдесят четвёртого года <...> я шёл от отца через Пассаж к станции метро «Крещатик» <...>. И думаю: зайду к Виктору Платоновичу, поменяю книжку, поблагодарю его и пойду восвояси – на метро, и поеду домой. Я зашёл в подъезд в Пассаже <...> – это такой <...> солидный дом, <...> с большими лестничными клетками, с широкими лестницами. <...> Я поднялся <...> и обратил внимание, что дверь приоткрыта чуть-чуть, из неё шёл свет, из квартиры <Некрасова>. Я остановился и, честно говоря, <...> почувствовал, что что-то не так. <...> В общем, была пауза такая в моём движении. <...> [Д]верь открылась, и появился на пороге <...> интеллигентного вида человек <...>. [О]н очень вежливо ко мне обратился: «Простите, Вы к Виктору Платоновичу?». <...> Я зашёл в прихожую. Тут же закрыли дверь, и этот милый человек достал удостоверение, показал мне, сказал, что он полковник госбезопасности,

¹⁵ Здесь приводим фрагменты интервью (записанного 11.03.21), которое М. И. Райгородецкий (живущий с 1988 года в США) дал по Скайпу специально для международной исследовательской инициативы к 110-летию со дня рождения В. П. Некрасова.

и что в квартире у Виктора Платоновича госбезопасность проводит обыск, и по положениям уголовно-процессуального кодекса граждане, которые заходят в дом, где <...> проводится обыск, тоже подлежат личному досмотру. И поэтому – не был бы я столь любезен дать им свой портфель. <...> Потом меня позвали <в комнату>. В кресле сидел Некрасов. Мы приветствовали друг друга. И <...> этот самый полковник <...> показал мне роман «Мы» и спросил <...>, откуда у меня эта книга. Я посмотрел на неё, и сказал, что <...> её купил, абсолютно спокойно. <...> «А где Вы её купили?». Я говорю: <...> на книжном рынке, там, где обычно я бывал и покупал разного рода книги».

Иными словами, Райгородецкий благородно заслонил, отвёл очередной удар от Некрасова – и в результате сам был арестован и получил лагерный срок. После отсидки, по возвращении в Киев, навсегда был лишён возможности преподавания в средней школе...

Судьба Райгородецкого, равно как и судьбы других людей, пострадавших в той или иной степени из-за обыска у Некрасова, печалила и тревожила Виктора Платоновича. Специфика ситуации состояла, однако, в том, что в планы КГБ явно не входило арестовывать писателя. Слишком заметной фигурой был автор «В окопах Сталинграда», участник войны, лауреат Сталинской премии, орденосец Виктор Некрасов – и, соответственно, попытки откровенных репрессий в данном случае могли бы вызвать международный скандал. Обыск был средством, с помощью которого власти выдавливали писателя из страны. Преследование людей, входящих в его дом, было способом продемонстрировать, что даже одна лишь возможность пользоваться сам- и тамиздатскими материалами некрасовской коллекции делает их в глазах власти персонами неблагонадёжными. Ни в коем случае не хотел Виктор Платонович быть источником опасности для окружающих.

Выход у писателя, оказавшегося невольным источником опасности для окружения, был лишь один: эмиграция. 12 сентября 1974 года Виктор Платонович Некрасов покинул Советский Союз... А от собрания самиздата-тамиздата в квартире писателя не осталось и следа, поскольку конфискованные материалы ему, конечно же, не вернули¹⁶.

¹⁶ Сохранились в жёлтой папке, находившейся в архиве бывшего украинского КГБ, лишь девять собственных сочинений В. П. Некрасова, перечисленных нами в статье. Все они опубликованы в: **Некрасов Виктор**. Арестованные страницы: Рассказы, интервью, письма из архивов КГБ / К.: Лаурус, 2014.